

⁵⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 29. Л. 48.

⁵⁵ Там же. Л. 50–50 об.

⁵⁶ См.: Российский старый порядок. С. 65.

⁵⁷ См.: Ярков Ю. М. Становление органов государственной власти и массовых общественных организаций в Пермской губернии (март – октябрь 1917). Екатеринбург, 2000.

В. Н. Бровкин

Большевики и крестьянство России в 1921–1925 гг.: лицом к деревне, лицом к поражению

Социальное и политическое развитие российской деревни обычно рассматривается в контексте того, что случилось до и после нэпа. Однако нэп был сравнительно мирным периодом, зажатым с двух сторон величайшими катаклизмами российской истории XX в.: Гражданской войной, с одной стороны, и сталинским террором – с другой. Что касается Гражданской войны, то ее обычно ошибочно воспринимают как войну главным образом между белыми и красными. На самом деле двумя наиважнейшими противниками в Гражданской войне были государство и крестьянство. Как я писал в своей книге «За линией фронта гражданской войны. Политические партии и социальные движения в России 1917–1921», это была война крестьян против насилия государства, т. е. против продотрядов, против призыва в армию и белых и красных, против разверстки семенной, гужевой, трудовой и всякой другой. Эта война затронула каждую губернию и унесла больше жизней, чем военные кампании между белыми и красными. Реквизиционные, карательные отряды, целые армии были посланы на подавление крестьянских восстаний. Зеленые отряды, массы дезертиров, взятие заложников, голод, разруха и лагеря для казаков – вот лишь немногие образы той ужасной Гражданской войны¹.

В 1928 г. начался новый этап насилия над крестьянами. Хотя этот этап чаще всего называют коллективизацией, дело было вовсе не в создании коллективных хозяйств, а в уничтожении способности крестьян определять цены на зерно. Это была новая война

между государством и крестьянством, новый цикл депортации, взятия заложников, расстрелов, конфискации и голода. Если рассматривать годы нэпа в этом контексте, то годы нэпа были годами процветания, роста производства и расцвета крестьянского самоуправления. Были ли крестьяне тогда действительно довольны своим положением? В чем причины краха нэпа как экономической системы хозяйства на селе? Эта статья и ответит на данные вопросы.

Если спросить любого большевика, в чем заключается крестьянский вопрос, то его первая реакция будет такая: обсуждение отсталости русского крестьянства. В понимании большевиков русский мужик был несознательным, отсталым существом, который не понимал законов исторического развития и которому надо было показать, что и как надо было делать, или заставить, чтобы страна развивалась экономически². Под термином «отсталость» большевики понимали не только способность производить сельхозпродукцию, но и сам уклад жизни русской деревни, традиционный образ жизни, привычки, взгляды, обряды, обычаи и другие выражения миропонимания.

Большевики были убеждены в том, что движение вперед к прогрессу и социализму будет возможным только тогда, когда частнособственнические и отсталые привычки крестьян можно будет изменить. Разногласия среди большевиков состояли лишь в том, насколько быстро нужно будет стремиться к изменению привычек крестьян, и каким методом нужно будет менять традиционный уклад сельской жизни.

Троцкий и Преображенский являются авторами ставшей крылатой формулы марксизма-ленинизма «примитивное социалистическое накопление». Это означало, что так же, как и в капиталистической Западной Европе, где произошел процесс примитивного капиталистического накопления капитала, путем эксплуатации рабочих социалистическое государство, строящее социализм, должно накапливать капитал путем эксплуатации крестьянства для того, чтобы накопленные средства вкладывать в развитие промышленности³. Таким образом, строительство промышленности рассматривалось как результат ограбления крестьян. Другого пути строительства промышленности большевики не видели и не хоте-

ли искать. Ни один из большевистских теоретиков не возражал против такого подхода к крестьянству. Разногласия появились лишь в 1927/28 г. по вопросу о том, как много отбирать у крестьян и как быстро разрушить индивидуальное крестьянское хозяйство. В том, что такое хозяйство следует разрушить, равно как и рыночные отношения, для того, чтобы построить социализм, были убеждены все большевики – как троцкисты, так и сталинцы.

Но как же крестьяне понимали задачи большевиков в 20-е гг.? И как они действовали в результате своих воззрений и понимания своих задач? Для того, чтобы понять драму 20-х гг. и причины конца нэпа, необходимо рассмотреть взаимодействие большевиков и крестьян в течение нэпа, т. е. в 1922–1928 гг. Самое главное – это понять, что вожди большевиков принимали конкретные решения, реагируя на то, что, по их мнению, происходит. Их понимание происходящего сильно отличалось от того, что писали по этому поводу газеты. То, что они говорили о происходящем на партийных собраниях, также лишь отображало политически корректную формулу реагирования на происходящее. Для того, чтобы понять решения большевиков и образ их мыслей, нам необходимо расшифровать политический жаргон того времени. Какая разница, например, между терминами «культурный хозяин» и «кулак»? Или между словами «забастовка» и «кулацкая вылазка»? Термины окрашивали те же явления в идеологическую окраску приемлемого или неприемлемого. Для того, чтобы понять, почему те же самые явления были приемлемы или неприемлемы большевиками, необходимо знать, кому была доступна информация и как вожди большевизма интерпретировали имевшиеся у них факты.

Сколько человек в большевистской России знали о реальном положении вещей в стране? Что конкретно они знали? И как они воспринимали то, что они знали? Поток информации партийным вождям тек главным образом по двум каналам: партаппарата и ГПУ. Каждый секретарь парторганизации писал регулярно отчет о политическом состоянии района, города, губернии. Такой отчет описывал отношение населения к советской власти и к партии, экономическое положение, протесты, забастовки, если таковые имелись, а также любую другую информацию, которую можно понимать как подпадающую под понятие «политическая ситуация».

Большинство этих отчетов чаще всего представляли положение дел в уезде или городе в наилучшем свете, так как начальство судило о деятельности отчасти по этим отчетам. Эти отчеты поступали в информотдел ЦК, который на их базе составлял собственный отчет членам Политбюро о политическом положении в стране, описывая ситуацию во всех губерниях и в каждой в отдельности. Эти отчеты информотдела сжимали, но не искажали отчетов губкомов. В дополнение информотдел подавал Политбюро всевозможные записки, меморандумы, разъяснения по конкретным вопросам или ситуациям, как, например, движение крестьян за крестьянский союз или антисоветские настроения среди казаков на Дону и т. д.

Кроме партийных, губернские ГПУ писали собственные отчеты центральному ГПУ о политическом положении в своих губерниях. На базе этих материалов ГПУ составляло собственный доклад под названием «Политическое положение в СССР». Чаще всего эти доклады были не более чем сбором фактов с небольшим комментарием, причем факты и случаи были пронумерованы по губерниям, датам и тематике. Тематика предполагалась следующая: рабочие, крестьяне, церковь, интеллигенция, крестьянский союз, забастовки, терроризм. Каждый случай перечислял главных действующих лиц, суть события и последствия.

Сравнение отчетов губкомов партии и губернских ГПУ позволяло проверить описание или искажение фактов по какому-нибудь конкретному делу. Разительный контраст между двумя потоками информации заключался в том, что ГПУ совершенно не стремилось представить ситуацию в губернии в наилучшем свете. Задача ГПУ состояла в том, чтобы быть бдительным оком Москвы, видеть и слышать все и обо всем докладывать систематически.

Благодаря кропотливой работе ГПУ, мы сейчас знаем, какие вопросы рабочие и крестьяне задавали на многочисленных конференциях; какие листовки появлялись и где; какие слухи циркулировали и в каких губерниях; сколько было забастовок, по каким причинам, и, среди прочего, сколько было случаев коррупции среди местных коммунистов. ГПУ все это знало и отражало в своих интереснейших отчетах. Первая страница каждого отчета имела гриф «Совершенно секретно». Отчет следовало хранить в сейфе,

где также находился код для расшифровки совершенно секретных инструкций. Большинство отчетов ГПУ также имели надпись на заглавной странице: «Делать копии или заметки строго запрещается». Также запрещалось ссылаться на такие отчеты в каких бы то ни было выступлениях или вообще разглашать факт существования подобных сводок. Каждый экземпляр подобной сводки имел свой номер, и этот номер означал определенного человека, которому экземпляр предназначался. Некоторые экземпляры предназначались для двух или трех человек.

Итак, в начале нэпа, в 1922 г., когда Ленин был еще жив, ежедневная сводка ЧК предназначалась для следующих лиц: 1. Ленин; 2. Сталин; 3. Троцкий и Склянский; 4. Молотов и Михайлов; 5. Дзержинский; 6. Уншлихт; 7. Медведь и Аванесов; 8. Самсонов и Благонравов; 9. Реденс; 10. Артузов; 11. Менжинский и Ягода; 12. Чичерин и Литвинов; 13. Андреев и Шмидт; 14. Стеклов; 15. Мещеряков и Сольц; 16. Веленский; 17. Радек; 18. Халатов; 19. Канцев для ЦК КП Украины и Сибирского бюро; 20. Павлунский; 21. Грушин; 22. Панкратов; 23. Петерс; 24. Мороз; 25. Ворошилов; 26. Иванов; 27. Мессинг; 28. Гусев; 29. Ельцин; 30. Кацнельсон; 31. Крат. 32-й и 33-й экземпляры оставались в Информбюро⁴. Таким образом, из 31 рассылаемого экземпляра, 9 предназначались для чекистов, а остальные – высшему звену партии и некоторым наркомам. Важно, что не все члены Политбюро получали сводку и, конечно, далеко не все члены ЦК.

В июле 1925 г. ежемесячный обзор ГПУ о политическом положении в СССР рассылался по такому списку: Ягода, Менжинский, Камнев, Калинин, Киселев, Зиновьев, Сталин, Молотов, Андреев, Бубнов, Хатаевич, Бисярин, Сырцов, Цурюпа, Уншлихт, Чичерин, Томский, Долецкий, Котов, Куйбышев, Артузов, Благонравов, Пиляр, Залин, Дерибас, Катанян, Ольский, Триллисер и Бокий⁵. Интересно, что на этот момент копия Сталина была лишь под номером семь. Однако уже к концу 1925 г. копия Сталина шла под номером один во всех сводках ГПУ. Если мы бегло сравним списки допуска 1922 и 1925 гг., то станет очевидно, что произошли серьезные перемены в высшем эшелоне власти. Только девять имен можно найти в обоих списках. Как и в 1922 г., почти все экземпляры предназначались для начальников отделов ГПУ и верхушки

партаппарата. Начальники губернских ГПУ и некоторые секретари губкомов также имели доступ к сводкам. На заглавном листе отмечалось, когда они получали сводку и когда ее возвращали. На некоторых сводках была и такая надпись: «Начальники губернских ГПУ имеют право предоставить сводку губернским и городским партийным секретарям и партбюро только для прочтения». Таким образом, начальники ГПУ решали, предоставлять информацию секретарям губкомов или нет.

Очевидно, что очень ограниченный круг людей имел доступ к информации о политических настроениях населения. Те, кто имел доступ (всего 29 имен), а также те, кому давали почитать список, и кто читал его из месяца в месяц, располагали информацией, существенно отличавшейся от той, которую передавали в газеты. Они знали, что компартия в массе своей состояла из полуграмотных карьеристов, часто погрязших в пьянстве и коррупции, что в стране расширялось массовое движение крестьян за свои права и создание крестьянского союза; понимали, что секретари губкомов привирали в своих радужных отчетах о положении в губерниях; читали, что в стране победившего пролетариата забастовки рабочих сотрясали социалистическую промышленность, что красные директора были некомпетентны в своем деле и что большинство заводов были убыточными. То, о чем они читали, квалифицировалось бы как злостная контрреволюционная пропаганда, если бы автором был кто-либо другой, а не ГПУ.

Этот поток информации имел странное влияние на политический дискурс среди большевиков. С одной стороны, те, кто читали и знали факты, приведенные в сводках, в своих публичных выступлениях должны были отражать только положительные явления жизни. Но, с другой стороны, они знали, что те, с кем они общались, тоже читали и знали определенные факты. Таким образом, необходимо было придумать формулировки, которые объясняли бы проводимую политику в знакомой и понятной марксистской терминологии и одновременно реагировали бы на факты, известные лишь немногим. Вот так и появились знакомые всем формулировки из публичного лексикона: «классовая борьба накаляется на селе». Что это означало на деле, в контексте, скажем, 1925 г.? Эта формулировка означала лишь то, что большевики терпели

поражения на выборах в местные советы. Или возьмем выражение: «поднять бдительность на новую высоту», или «происки и вылазки мелкобуржуазных элементов среди рабочих» – эти формулировки означали забастовки и даже появление антисоветских листовок. Выражение «поднять дисциплину на новую высоту» означало необходимость борьбы с коррупцией и пьянством в партии, а клич «сорвать маски с затаившихся врагов» мог свидетельствовать о серьезных антисоветских выступлениях, забастовках или протестах. Итак, большевики придумали политически корректные объяснения социальным явлениям, о которых они узнавали из отчетов и сводок ГПУ. Этот поразительно интересный язык кодов был понятен лишь тем, кто знал, о чем шла речь. Этот язык представлял действительность в сильно искаженном виде идеологически приемлемых формулировок.

Переход к нэпу был болезненным и затянутым процессом. Голод все еще уносил десятки тысяч жизней в Поволжских губерниях. Поезда ходили нерегулярно, и почти каждый день сводки ЧК сообщали о количестве трупов, обнаруженных на замороженных поездах в различных местах. Политические настроения в Самаре, например, ЧК характеризовало как «взволнованное, а отношение к компартии недружелюбное в связи с тем, что население не получает никакой помощи голодающим»⁶. Повстанческие отряды крестьян все еще кружились по Украине и в Поволжье. Случаи убийства ответственных работников все еще отмечались ЧК, особенно на дорогах и из-за засад. В Донецке, например, отряд «зеленых» разобрал участок железнодорожного пути, что вызвало крушение поезда⁷. Даже в конце 1923 г., не говоря о более раннем периоде, ГПУ насчитало 43 действующих вооруженных повстанческих отряда крестьян. По его данным, «Отмеченный период характеризуется ростом бандитизма с чисто политическим оттенком. Он особенно силен на Украине и в Поволжье, где несколько ранее разбитых банд появились снова... Особенно сильно чувствуется присутствие банд в следующих губерниях: Пенза, Астрахань, Саратов, Царицин и Башкирская республика. На Дону население создает благоприятные условия для возникновения банд»⁸.

Ужасы Гражданской войны и голод отступали очень медленно, и ситуация в большинстве губерний не нормализовалась до введе-

ния в 1923 г. твердой валюты. Постепенно такие негативные явления, как создание повстанческих и карательных отрядов, засады и взятие заложников стали сходить на нет. Крестьяне поверили, что можно торговать и что деньги были настоящие. Как только спала боязнь конфискаций и реквизиций, производство стало увеличиваться, а рынки наполняться товарами. Разверстка, т. е. сбор зерна силой, практически без всякой компенсации, уступила место рынку и налогам. Вот, собственно, в этом и выражалась сущность нэпа в деревне.

Компартия, конечно, продолжала монопольно контролировать политическую власть. Экономические уступки крестьянам были для большевиков способом не делать политических уступок. Известный американский ученый Р. Пайпс объяснял сущность нэпа так: «купить политическое выживание путем раздачи экономических подачек, которые легко можно забрать назад, как только население успокоится»⁹. Политическая задача компартии на селе заключалась в том, чтобы, с одной стороны, собирать как можно больше налогов, а с другой стороны, не допустить роста политического влияния преуспевающих крестьян. Партийные вожди прекрасно знали, что коммунисты на селе не понимали, в чем их роль и назначение, и что разброд и шатания среди них были типичными явлениями.

Политические задачи крестьян можно охарактеризовать как желание смягчить налоги, а также уменьшить политический контроль центральной власти и ее представителей. Таким образом, нэп как политическая система содержал в себе изначально встроенное противоречие: попытка свободы торговли и рынка в сочетании с политической диктатурой. Тем не менее центральные и местные власти, с одной стороны, и крестьяне, с другой, в условиях нэпа боролись за свои цели путем мирного соперничества по двум самым главным пунктам: цены и налоги. Когда суть внутренней политики сводится к соревнованию о ценах и налогах, такую ситуацию можно назвать нормальной.

Трудно обобщить чаяния крестьян в стране, где их более 100 млн. Экономические условия, традиции, местная власть и даже проводимая политика отличались существенно в Центральной России и на Украине, в Поволжье, на Урале и в Сибири. Взгляды крестьян

менялись также и с течением времени, и в зависимости от региона. Разобраться в крестьянских настроениях непросто еще и потому, что почти все, что напечатано по этому вопросу, существенно искажает исторические факты. Даже в относительно либеральной атмосфере 20-х гг. невозможно было печатать информацию об оппозиции крестьян политике компартии.

Кроме того, трудно обобщить взгляды крестьян и потому, что они не «говорили» одним голосом, особенно во времена нэпа, когда быстрыми темпами шел процесс имущественного расслоения крестьян. Тем не менее голоса крестьян можно услышать во множестве документов, с такой тщательностью собранных ГПУ. Это и стенограммы всевозможных конференций, заседаний исполкомов, волостных съездов, петиции, наказы крестьян своим кандидатам и избранныкам, а также листовки, протесты, вопросы на собраниях и жалобы властям.

Система налогообложения при нэпе была основана на взимании налога на налогооблагаемую собственность, что включало такие компоненты, как размер стада, полей и урожая. Богатые крестьяне платили большой налог, а бедные – меньше. Списки налогооблагаемой собственности назывались оплатными листами и составлялись индивидуально на каждую семью. Специальные комиссии измеряли размеры полей и урожая с тем, чтобы оценить размер причитающегося налога. Такая система порождала естественное желание крестьян уменьшить налогооблагаемую собственность с тем, чтобы платить меньший налог. По этому поводу сводка ГПУ утверждала в 1926 г.: «На Северном Кавказе, Урале и Сибири работа комиссий по проверке размеров посевных площадей и поголовья скота встречает хорошо организованный саботаж кулаков»¹⁰.

Но дело не только в сопротивлении преуспевающих крестьян. Все крестьяне повсеместно были недовольны самой структурой налогообложения. Логика их рассуждений была в том, чтобы заработать больше. Но на деле, как только крестьянин увеличивал посевную площадь или поголовье скота, его причисляли к кулакам и облагали невыносимыми налогами, убивая этим всякое желание производить больше. Секретарь волостного исполкома в Омске, например, писал, что система налогообложения была бессмыслен-

ной, так как она наказывала тех, кто лучше всех работал. Меморандум ЦК к Политбюро привел цитату из письма крестьянина Смоленской губернии, выражавшую типичные взгляды крестьян: «Газеты полны утверждений, что большевики дали землю крестьянам бесплатно. Но где она, эта земля бесплатно? Хотя ее и раздали бесплатно, но позже все равно надо было платить, чтобы закрепить ее за собой. А потом продналог, разве это тоже не форма платежа? Вот и получается, что вы не дали землю бесплатно, а отдали ее нам в ренту, да и то за высокую цену»¹¹.

Тема высоких налогов выступает наиболее ярко во всех выступлениях крестьян во всех губерниях. В своей оценке тяжести налогообложения для крестьян ГПУ писала в 1924 г., что «для того, чтобы заплатить денежную часть налога, крестьяне вынуждены продавать скот за бесценок»¹². Крестьяне обычно уровень нынешних налогов сравнивали с тем, что они платили раньше. Конечно, то, что они называли грабежом периода «военного коммунизма» давно закончилось, но все равно они платили при нэпе больше, чем при царе. Жалобы крестьян на налоги беспокоили ЦК настолько, что он разослал всем членам Политбюро меморандум, в котором говорилось: «Недовольство налогами находит свое отражение в выражениях подобного типа: „когда коммунисты взяли власть, они обещали, что не будет больше налогов, а теперь они обирают хуже, чем при царе. И деньги с налогов тратятся на покрытие расходов всяких заправил, которые жиреют за счет крестьян“»¹³.

С точки зрения крестьян, уровень налогообложения в первые годы нэпа почти не изменился по сравнению с 1920 г. И действительно, в Тамбовской губернии контрольные цифры по сбору налога на 1924 г. основывались на цифрах предыдущего года, т. е. губернские власти стремились собрать как минимум определенную сумму и выколачивали ее из крестьян, что мало чем отличалось от «военного коммунизма». Вот как тамбовские руководители объясняли свои действия: «Наша агитация за уплату сельхозналога должна была уступить место более действенным мерам, как сессии выездного суда и действия ударных троек. Крестьяне настолько боялись их, что при их появлении вся деревня без исключения убегала прятаться в лес»¹⁴.

Но насильственные меры все равно не привели к выполнению плана. Тамбовские советы собрали только 82 % налога. Действия ударных троек способствовали тому, что посевные резервы были опустошены, что и привело к серьезному недостатку зерна в следующем году. Если в остальных губерниях ситуация улучшилась в 1925 г., то в Тамбовской губернии практически голодали – и это в период расцвета нэпа!

Проблема своевременной уплаты налога осложнялась еще и тем, что крестьяне должны были продать свой урожай на корню, чтобы получить наличные деньги и уплатить налог. Это вынуждало их продавать урожай государственным закупочным организациям, которые намеренно покупали сельхозпродукцию по очень низкой оптовой цене. На деле такая система означала двойную или тройную ношу налогообложения. Например, в Тамбовской губернии осенью 1924 г. государственная закупочная цена пуда ржи составляла 50 к. А весной на свободном рынке пуд ржи стоил 3 р. 60 к.¹⁵ В результате крестьяне были убеждены, что государственные закупочные организации их обманули. Соответственно они настаивали на более гибком графике уплаты налогов. Но самое главное – они требовали свободы выбора – кому продавать и по какой цене. Крестьяне понимали условия, в которые они были поставлены, как кабалу. Государство диктовало крестьянам, сколько оно возьмет налога, и определяло закупочные цены, по которым купит у крестьян их продукцию. Крестьянин мог распоряжаться лишь излишками после уплаты налога. Но и тут его обирали, как кулака.

Кроме того, государство контролировало и цены на промышленные товары, и они были выше, чем до революции. Один крестьянин Дмитровского уезда Московской губернии так выразился: «Советская власть берет на рубль, а отдает на копейку»¹⁶. А крестьянин Россошанского уезда Воронежской губернии объяснял свое понимание цен следующим образом: «В старое время можно было купить рубаху за пуд ржи, а сейчас надо продать четыре или пять пудов, а чтобы купить кожаные сапоги, надо продать не меньше чем 15–20 пудов зерна. Мы лучше будем ходить босые, но не отдадим зерно за бесценок». Другой крестьянин добавил: «Что это за свободная торговля, когда они контролируют цены»¹⁷.

Дело было в том, что местные власти не только устанавливали твердые цены на закупку зерна у крестьян, но и пытались контролировать цены и на свободном рынке, как будто они просто не хотели, чтобы крестьяне богатели. У них пытались забрать все, кроме самого минимума, необходимого для выживания. Крестьяне в д. Дубровино (недалеко от Новороссийска) на своем сходе единогласно постановили не признавать установленные цены: «...Мы не признаем их до тех пор, пока цены на городские товары не станут ниже. А пока разрешите нам назначать цены, которые мы пожелаем, и не диктуйте нам в этом вопросе»¹⁸.

Огромное количество писем, резолюций, петиций и постановлений сходок крестьян касалось проблемы дискриминации крестьян в Советской России практически во всех сферах жизни: налогообложении, образовании, страховании, медицинской помощи, трудоустройстве и, конечно, в праве голоса. Главным лейтмотивом выступлений крестьян было их юридическое бесправие. На собрании в Рязанском уезде один крестьянин так обрисовал положение крестьян: «В старое время было два класса в России, буржуазия и второй класс рабочих и крестьян. А сейчас у нас тоже два класса: коммунисты и крестьяне. Доступ ко всему открыт для них и закрыт для нас»¹⁹. Тверской партийный комитет в своем отчете в 1924 г. писал, что крестьяне в губернии требуют равного права голоса на выборах²⁰.

Бесчисленное множество крестьянских резолюций на уровне волости и уезда протестовало против попыток большевиков понукавать, контролировать или командовать избранными местными советами. В Воронежской губернии крестьянская резолюция протестовала против «попыток партии загонять крестьян в организации, в которых крестьяне не имеют никакой власти, потому что их заставляют работать под диктовку партии»²¹.

Крестьяне, совершенно определенно, не были безголосыми покорными массами. Они ясно осознавали свое неравноправное положение. Каганович послал Молотову письмо одного крестьянина из костромской деревни, в котором тот сравнивал советское начальство с дореволюционным: «Почему партия постоянно проповедует темным крестьянским массам о прелестях коллективного труда и прекрасном будущем коммунизма и социализма, но сама

партия, и центральная и местная, не практикует этого и даже не пытается это делать? Парработники прекрасно живут в отдельных квартирах. Они получают всевозможные зарплаты и имеют слуг... Они наслаждаются всеми привилегиями так же, как и старые чиновники при царе». В письме далее утверждалось, что компартия превратилась в новый класс эксплуататоров, и заканчивалось оно такими словами: «Товарищи коммунисты, вы потопились устроиться удобно и свалили все тяжести экономической разрухи на плечи крестьян»²².

Настроения крестьян хорошо просматриваются в вопросах, которые они задавали всевозможным докладчикам на уездных съездах советов. ГПУ следило за крестьянскими настроениями и составило список наиболее часто задаваемых вопросов в Орехово-Зуево. Оно разбило вопросы по категориям и привело в своем отчете наиболее характерные вопросы по данным темам. Итак, наибольшее число всех вопросов на уездных съездах советов касалось вопроса дискриминации крестьян:

- Почему только интеллигенция попадает в вузы, а для крестьян трудно быть принятым?
- Почему только евреи ездят в санатории, а для крестьян это практически невозможно?
- Почему рабочие и крестьяне представлены непропорционально на уездных съездах советов?
- Что конкретно и сколько получили крестьяне в сфере социальной защиты за последние семь лет?
- Почему большинство всех начальников – члены компартии?
- Сколько получают народные комиссары?
- Почему коммунисты вооружены?

Вторая категория вопросов касалась несправедливого налогообложения и цен:

- У рабочих неоплаченный должок перед крестьянами. Почему это при «военном коммунизме» мы платили, а они нет?
- Почему в прошлом году налог был 500 р., а в этом 800?

Третья категория вопросов касалась политической жизни страны:

- Какова численность Красной армии?
- Сколько зерна экспортируется в год?

- Где Троцкий? Он член РКП?
- Почему нельзя вешать иконы в школах?²³

Наиболее примечательны в этих вопросах их открытость и простота. Городские жители вряд ли осмелились бы задавать вопросы о численности Красной армии, повышении налогов и беспорядках избирателей. Такие вопросы ГПУ вполне могло счесть замаскированной контрреволюционной агитацией. Но крестьян еще не вымуштровали соблюдать табу советской политической корректности, и они свободно спрашивали о том, что их интересовало.

А вот круг вопросов, которые задавали крестьяне в Коломенском уезде Московской губернии:

- Откуда берутся средства на содержание Коммунистического Интернационала?
- Куда делись ценности, конфискованные у Церкви?
- Почему крестьяне не имеют социального страхования?
- Почему в других странах есть крестьянские союзы, а нам не разрешают создать свой союз?²⁴

Коммунистические докладчики просто терялись и не знали, как отвечать на такие каверзные вопросы. Якобы темные крестьяне ставили в тупик маститых столичных агитаторов. Вопросы крестьян в Новозыбковском уезде Гомельской губернии ГПУ охарактеризовало в своем секретном рапорте ЦК как более враждебные, чем обычно:

- Почему нет свободы слова?
- Что революция дала крестьянам?
- Разве возможно уравнивать таланты человека и низвести всех к одному уровню?
- Почему налог сейчас в три раза больше, чем при царе?
- Каковы были цели нэпа, и что было достигнуто?
- По какому такому приказу преследуют священников?
- Какое мнение у компартии по вопросу об организации крестьянского союза?

Некоторые вопросы были просто выражением критики и откровенно выражали сомнение в утверждениях коммунистической пропаганды:

- Почему крестьянина, у которого две коровы, называют кулаком?

- Какого крестьянина можно назвать кулаком?
- Как скоро ваш рубль будет равен рублю дореволюционному?

- Когда мы прибудем в социализм, будет ли одна корова, две коровы, несколько коров или не будет коров вовсе?²⁵

Если вопросы крестьян выражали главным образом недоверие и непонимание политики большевиков, то резолюции и наказания, принимаемые на уездных съездах советов, содержали открытую критику власти и даже враждебное неприятие коммунизма. Например, крестьяне Коломенского уезда установили: «Мы не хотим никакой гегемонии рабочего класса»²⁶.

В списке вопросов по Московской губернии ГПУ отметило следующие: зачем нам мировая революция? почему мы должны беспокоиться о ней? А в Гомельской губернии вопросы были откровенно контрреволюционными:

- Как долго вы собираетесь мучить крестьян?
- Куда подевались ваши обещания?
- Когда вы уже кончите натравливать одну часть деревни на другую?

- Как долго вы еще будете висеть на нашей шее как паразиты?
- Когда, наконец, советская власть прекратит разрушать крестьянское хозяйство?

- Когда, наконец, у нас будет наш крестьянский союз?

Если суммировать пожелания крестьян в смысле практических рекомендаций, то очевидно, что они хотели расширения свободного рынка и сокращения политического и экономического контроля. Некоторые практические предложения крестьян явно указывают на их стремление двигаться вперед к рыночной экономике. Вот, например, председатель сельского исполкома Оренбургской губернии рассуждал так, что если, как всем известно, в прошлом рынок снабжения был лучше и дешевле, то необходимо передать всю промышленность в частные руки²⁷. ГПУ с тревогой отмечало, что повсеместно идет агитация за допущение частного сектора к закупочной деятельности, т. е. за то, чтобы не государственные чиновники, а купцы закупали урожай у крестьян по коммерческим, а не низким государственным ценам. Во многих губерниях крестьяне открыто требовали свободы торговли²⁸.

Резолюции крестьян на Северном Кавказе предлагали установить биржи обмена товарами между городом и деревней, исключая посредничество госчиновников²⁹. А в других губерниях крестьяне настаивали на том, чтобы сельскохозяйственные кооперативы стали свободными от государства³⁰. Наиболее опасные требования, с точки зрения большевиков, звучали все чаще, а именно: требования установления крестьянской собственности на землю³¹. Тульский губком, например, писал ЦК, что «среди крестьян наблюдается стремление получить землю в частную собственность с правом купли и продажи до 15 дес.»³² ЦК был хорошо осведомлен в 1925 г. о том, что крестьяне недовольны своим положением. А этот год, как известно, считается расцветом и вершиной нэпа. Проявления недовольства и даже враждебности крестьян к рабочим и к партии прослеживаются все более ярко в материалах, прибывающих в информотдел от губкомов и других непартийных организаций³³.

Крестьяне оставались не затронутыми коммунистической пропагандой. Они сравнивали обещания коммунистов с реальной ситуацией, со своими заботами и нуждами. Они не боялись выражать свои пожелания публично. Несправедливые налоги, грабительские цены, привилегии для партийцев и дискриминация крестьян – вот чем была их каждодневная реальность.

Большевики обычно изображали себя рабочей партией, идущей вместе с трудовым крестьянством. На самом деле они прекрасно знали, что пресловутая смычка рабочих и крестьян была не более чем пропагандистским трюком для того, чтобы произвести желаемое впечатление на крестьян. И крестьяне, и большевики понимали суть их отношений на деле. Государство назначало уровень налогов и цен. Оно терпело индивидуальное крестьянское хозяйство, но отдавало предпочтение коллективным хозяйствам. Государство поддерживало бедных крестьян и давало им низкие налоги. Крестьяне должны были работать в данных условиях, и они выработали свою собственную стратегию отношений с властью.

Если большевики выдавали себя за тех, кем они на самом деле не являлись, то и крестьяне сообразили, что выгоднее представлять себя властям в образе, не противоречащем официальной идеологии. Как правило, преуспевающие крестьяне возражали против

большевистского деления деревни на богатых, бедных и средних крестьян. На предвыборных собраниях в Тульской губернии, например, они оперировали своими собственными категориями, такими как «ленивые» и «хозяйственные» крестьяне³⁴.

Прежде всего крестьяне старались не попасть в категорию кулаков, ибо это означало повышение налогов и лишение избирательных прав. В связи с тем, что определение того, кого можно было считать кулаком, постоянно изменялось, было расплывчатым и намеренно гибким, крестьяне пытались избежать приобретать такие атрибуты, которые позволили бы большевикам заклеить их как кулаков. Если, например, в данной губернии главным атрибутом кулака было количество обрабатываемой земли, то крестьяне стремились разделить свои поля на небольшие наделы и договориться с соседями, чтобы выглядело так, как будто они их обрабатывали в обмен за плату или прощенные долги, или займы, или еще какие-нибудь услуги. Главное, чтобы официально все выглядело так, как будто все они были представителями среднего трудового крестьянства.

Если определение кулака включало в себя, скажем, использование машин для обработки земли, то соответственно крестьяне стремились избежать неприятных последствий путем всякого рода уловок. Например, крестьяне Воронежской губернии понимали, что небольшое число тракторов, прибывших в губернию, будет распределено между коллективными хозяйствами, а не между простыми крестьянами. Поэтому несколько преуспевающих крестьян организовали товарищество и подали заявку на покупку трактора. Все внешне выглядело следующим образом: они представляли коллективное хозяйство, в котором 50 % членов были бедными крестьянами и 30 % – членами компартии³⁵. В результате выиграли все. Власти смогли отпортовать, что количество коллективных хозяйств растет, и они оснащаются техникой. Бедняки получили работу, а культурные хозяева, как их тогда называли, – трактор и избежали унижительного и разорительного звания кулака.

Что касается середняков, то для них наиболее выигрышная стратегия успеха заключалась в том, чтобы выглядеть как бедняки. Тогда им надо было бы платить меньший налог. У бедняков не было никакого стимула стараться стать середняками, потому

что тогда их налоги поднялись бы. Есть много примеров того, что многие из тех, кто публично выставял себя бедняками, на самом деле были не такими уж и бедными, а порой более богатыми, чем обыкновенные середняки, не умеющие выдавать себя за кого-то другого.

Бедняки были совершенно удовлетворены своим привилегированным положением и не стремились его менять. Вот как они рассуждали: «Намного удобнее быть бедняком. Так намного легче. Не надо много работать, платишь низкие налоги, и начальство смотрит на тебя с одобрением»³⁶.

Итак, то, как крестьяне выглядели для властей, совершенно не соответствовало тому, кем они были на самом деле. Они просто адаптировались к ситуации, т. е. к тому, чего от них требовала власть. Совершенно очевидно, что социальная политика большевиков тормозила развитие сельского хозяйства, ибо она не стимулировала производство, а искусственно задерживала его из-за боязни, что крестьяне разбогатеют и в результате выйдут из-под контроля властей. Пусть все будут бедными, но под контролем пролетарской диктатуры.

Образ счастливого и спокойного крестьянства при нэпе совершенно не соответствовал действительности. Крестьяне прекрасно понимали и защищали свои экономические интересы. Они с подозрением относились к городским агитаторам и не подчинялись директивам, кого и как выбирать в советы. Пожалуй, наиболее замечательное в этой забытой картине российской жизни – это высокая гражданская позиция русского мужика. Не был он ни темным, ни безграмотным. Мужики прекрасно разбирались в политике и правильно понимали все, что происходит с ними и со страной. Они четко осознавали, кто такие коммунисты, и чего они хотели от крестьян.

Русское крестьянство 20-х гг. было не затронуто коммунистической пропагандой. Все обещания большевиков крестьяне воспринимали через призму того, что было раньше, что сколько стоило и кто какие налоги платил. Мужики знали и понимали систему, при которой им приходилось жить, и выработали стратегию адаптации к этой системе. Несмотря на препятствия, чинимые властями, и под зорким оком ГПУ, крестьяне сами формулировали свои

политические требования, избирали своих лидеров в советы и показывали замечательные навыки политического и экономического самоуправления. Без агитпропа, без прессы и без политической партии крестьяне стихийно создавали свои союзы, свои гражданские объединения. В результате кампанию «Лицом к деревне» можно определить как кампанию «Лицом к поражению». Крестьяне хотели и добивались свободных выборов, свободных союзов, свободной торговли, рыночных отношений в полном масштабе и частной собственности на землю. Говоря современным языком, русское крестьянство 20-х гг. хотело демократии и рыночных отношений в экономике. И оно не собиралось останавливаться на достигнутом. Столкновение с коммунистической диктатурой назревало благодаря нэпу.

¹ См.: *Brovkin V. Behind the Front Lines of the Civil War. L., 1998.*

² См.: *Фитцпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е гг.: деревня. М., 2001. С. 10.*

³ См.: *Day R. Preobrazhensky and the Theory of Transition Period // Soviet Studies 27 : 2. 1975. April. P. 196–219.* Документы по делу оппозиции см.: Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923 – 1927: В 4 т. / Ред.-сост. Ю. Фельштинский. М., 1990; О дискуссиях по аграрному вопросу см.: *Siegelbaum L. H. Soviet State and Society between revolutions. Cambridge, 1992. P. 137–139; Malia M. Comprendre la revolution russe. P., 1980. P. 175–177.*

⁴ Российский центр хранения и изучения документации новейшей истории (далее: РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 87. Д. 176.

⁵ Там же. Оп. 84. Д. 196.

⁶ Там же. Оп. 87. Д. 176. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 9.

⁸ Там же. Д. 177. Л. 5.

⁹ *Пайнс Р. Россия при большевистском режиме. М., 1996. С. 374.*

¹⁰ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 200 а. Л. 8.

¹¹ Там же. Оп. 84. Д. 916. Л. 5.

¹² Там же. Оп. 87. Д. 177.

¹³ Там же. Оп. 84. Д. 916. Л. 5.

¹⁴ Там же. Д. 741. Л. 50.

¹⁵ Там же. Л. 150.

¹⁶ Там же. Оп. 87. Д. 200 а. Прил.

¹⁷ Там же. Прил. 4

¹⁸ Там же. Д. 200 а. Л. 7.

¹⁹ Там же. Оп. 84. Д. 916.

²⁰ Там же. Л. 5.

- ²¹ РЦХИДНИ. Оп. 87. Д. 200 а.
²² Там же. Оп. 84. Д. 858.
²³ Там же. Оп. 87. Д. 199.
²⁴ Там же. Прил. 2.
²⁵ Там же. Оп. 16. Д. 175. Л. 169.
²⁶ Там же. Д. 553. Л. 199.
²⁷ Там же. Оп. 87. Д. 200 а.
²⁸ Там же.
²⁹ Там же. Д. 199. Прил. 2.
³⁰ Там же. Оп. 84. Д. 916.
³¹ Там же. Д. 910.
³² Там же. Оп. 16. Д. 1377. Л. 11.
³³ Там же. Оп. 84. Д. 916.
³⁴ Там же. Оп. 16. Д. 1377. Л. 33.
³⁵ Там же. Д. 125. Л. 50.
³⁶ Там же. Оп. 67. Д. 365. Л. 6.

С. И. Быкова

Феномен Сталина: эволюция образа лидера в представлениях советских людей в 1930-е гг.

Весьма значимой составляющей в образе И. Сталина являлось признание его наследником В. И. Ленина. Эта идея, получившая широкое распространение благодаря официальной пропаганде, имела огромное значение для расширения социальной поддержки и повышения авторитета И. Сталина. Особенно активное использование этого мифа характерно для первой половины 1930-х гг.: в газетах, партийных документах и обращениях подчеркивалась преемственность политики В. И. Ленина новым лидером советского государства. Например, на XVI съезде ВКП(б) Г. К. Орджоникидзе, как и многие другие депутаты, в своей речи говорил о Сталине как «лучшем ученике Владимира Ильича»¹. Типичным примером можно считать приветственную телеграмму делегатов X Уральской областной партийной конференции (1930), направленную «самоу стойкому, последовательному ученику Ленина»: «Большевики Урала знают и понимают твою исключительную роль в борьбе со всякими оппортунистическими извращениями марк-

© С. И. Быкова, 2002